— В одной из книг я видел упоминания о людях, подобных богам. Одетые в белые одежды, они могли передвигаться по небу на облаках. Для жизни им нужна была разве что роса и воздух. Они обладали такой силой, что могли спокойно оседлать ветер и лететь так десятки тысяч ли. Родились же эти богоподобные люди вместе с солнцем и луной. И, судя по всему, в своей книге автор подразумевал именно это, — Сяо Сэ уселся на камень и взглянул на Усиня, стоявшего у самой кромки воды. Ветер дул с реки и трепал белые одежды юного монаха, задумчиво смотрящего вдаль. Лунный свет заливал его фигуру, отчего Усинь казался бессмертным, спустившимся в мир смертных.

— Никогда раньше не видел такого мастерского цингуна. Он будто и впрямь оседлал ветер… И даже те двое, мастера боевых искусств, не смогли за ним угнаться! — восторженно воскликнул Лэй Уцзэ. С тех пор, как Усинь сбежал с ними, прошло три часа, и вечер успел смениться ночью, но юный монах будто и не устал.

— Мы у него в плену, но сидим сейчас и нахваливаем его, — Сяо Сэ улыбнулся. — Интересно, что бы он сказал, если б услышал нас?

Усинь обернулся и подошел к ним.

— Господа не в плену, — улыбнулся он. — Этот скромный монах уже упоминал на постоялом дворе… этот монах лишь просит господ прогуляться вместе с ним.

— Почему же именно мы? На постоялом дворе было еще полно людей, — Сяо Сэ усмехнулся. — Может, потому что один из нас тяжело ранен, а другой и вовсе не знает боевых искусств?

— Тяжело ранен? — Усинь окинул взглядом Лэй Уцзэ и улыбнулся. — Этот скромный монах не очень талантлив, но мог бы постараться помочь господину.

— Ты хочешь помочь мне с травмами? — удивленно моргнул Лэй Уцзэ.

Усинь кивнул.

— Путь еще долог, и этому скромному монаху понадобится помощь обоих господинов. Лечение травм совсем не затруднит меня, так что не надо беспокоиться.

— Я думаю… — неуверенно начал Лэй Уцзэ. При одном только взгляде на улыбающегося Усиня у юноши появлялись сомнения касательно дальнейших планов коварного монаха.

Не говоря ни слова, Усинь вдруг схватил Лэй Уцзэ за руку и, легко оттолкнувшись от земли, в следующий миг оказался посреди реки. Тут он быстро нажал на несколько акупунктурных точек на плечах и спине юноши.

— Как только господин был ранен ци ладони Пурпурного господина, его истинная ци столкнулась со вредоносной ци, попавшей в каналы. Если господин не будет пытаться заставить циркулировать свою ци, то проблем не возникнет. Но если же господин сделает это, то обе ци будут пытаться подавить друг друга, что приведет к еще большим ранам. Этот скромный монах использует технику циркуляции, чтобы истинная ци господина смогла вытеснить вредоносную ци.

Договорив, Усинь без промедления схватил Лэй Уцзэ за плечи и по волнам заскользил к самому глубокому месту реки.

— Я-я не умею плавать! — запоздало взвыл напуганный донельзя Лэй Уцзэ.

— Неужели на свете… существует кто-то с таким невероятным уровнем цингун? — ахнул Сяо Сэ, внимательно наблюдая за юным монахом.

А Усинь спокойно шагал по волнам, будто вместо них под ногами его была ровная земля. Наконец он остановился и закрыл глаза. Белые одежды его беспорядочно затрепетали на ветру, а Лэй Уцзэ явственно ощутил, как содрогается его собственное тело, вот-вот могущее рухнуть в воду. Вдруг волна ци вошла в тело юноши через ладони Усиня. Лэй Уцзэ ощутил, как сердце его, до этого взволнованно колотившееся, вновь размеренно забилось в груди. Повинуясь интуитивному порыву, он закрыл глаза. Свист ветра и шум волн лился в его уши и приносил небывалое спокойствие разуму.

Сяо Сэ, наблюдавший за всем с берега, был потрясен до глубины души. А все потому, что стоило только Лэй Уцзэ закрыть глаза, как Усинь убрал руки с его плеч! Лэй Уцзэ же и не подозревал, что что-то изменилось, и совершенно спокойно стоял на поверхности воды с закрытыми глазами.

Усинь в удивлении шире распахнул глаза.

— Старый монах говорил, — тихо пробормотал он. — Что на свете есть люди, чьи сердца от природы чувствительны и тонко устроены, отчего они могут достигнуть высшей степени гармонии с природой. Похоже, он не обманул меня.

Усинь взмахнул рукавом, и воды реки заволновались, вздыбились вверх и превратились в огромный водоворот. Глаза Лэй Уцзэ все еще были закрыты, но по лбу его потек пот. Усинь усмехнулся и легко щелкнул юношу по лбу.

— Избавься!

В следующий миг к пальцу Усиня потянулась пурпурная ци, и он тотчас махнул рукой в сторону. Вредоносная ци влетела в воду и взорвалась, поднимая столб брызг до самых небес. Не успела вода дождем обрушится обратно в реку, как Усинь уже вновь ухватил Лэй Уцзэ за плечи и заскользил по волнам. Наконец они вновь очутились на земле. Усинь подтолкнул Лэй Уцзэ к Сяо Сэ и горделиво поправил свои одежды.

— Готово!

Лэй Уцзэ открыл глаза и глубоко вздохнул.

— Ну и как оно? — поинтересовался у него Сяо Сэ.

Лэй Уцзэ утер пот со лба и на мгновение задумался.

— Не могу сказать точно… — наконец ответил он. — Но я еще никогда не чувствовал себя так легко.

— Господин полностью здоров и даже получил выгоду от своей беды, — Усинь с улыбкой сложил ладони и чуть поклонился.

— Что ты хочешь этим сказать? — недоуменно спросил Лэй Уцзэ.

— В будущем господин поймет, что я имел в виду, — Усинь опять улыбнулся, но не ответил напрямую.

— Итак, почему же ты взял нас с собой? — вдруг подал голос Сяо Сэ.

Усинь поднял было руку, чтобы хлопнуть того по плечу, но Сяо Сэ увернулся прежде, чем пальцы монаха дотронулись до его одежды. Усиню оставалось лишь обернуться и похлопать по плечу все еще удивленно стоявшего на месте Лэй Уцзэ.

— Этот скромный монах уже говорил. Ему хотелось бы прогуляться в одно место, но для этого ему нужны господа. Что же до исцеления травм господина, то не стоит даже и вспоминать об этом.

Сяо Сэ одарил Усиня холодным взглядом.

— Такой великий мастер, столь хорошо владеющий боевыми искусствами… Я и представить себе не могу то место, в которое тебе бы потребовалось наше сопровождение. К тому же, тебя надо было доставить из города Сюэюэ в храм Цзюлун. А этот парнишка – ученик из города Сюэюэ. Как, по-твоему, мы поможем тебе сбежать?

— Если господин простит этого скромного монаха за смешок замечание… Стоит заметить, что если бы не этот скромный монах, то те люди в черном убили бы господ, как только они бы вышли из постоялого двора. Если бы не этот скромный монах, помогший господину Тану на постоялом дворе, то тот не смог бы использовать технику Десяти тысяч летящих лепестков и отбить нападение Пурпурного господина и беловолосого бессмертного. Этот скромный монах уже дважды спас жизнь господам, так что небольшое одолжение не должно вас сильно затруднить, верно? — Усинь вздохнул и покачал головой, изобразив на лице глубокую печаль. — На самом деле этот скромный монах немного беден…

Сяо Сэ усмехнулся.

— Монах, что должен подавать милостыню, просит вознаградить его?

— Конечно. Если сам Будда просил награды, то почему бы этому монаху не последовать его примеру? — сказал Усинь с уважением.

Сяо Сэ на миг удивленно застыл.

— Будда просил награды? Раньше я встречал нескольких монахов, но никогда не слышал такой формулировки. На что же ты ссылаешься?

«Однажды Будда вместе с тысяча двухсот пятьюдесятью монахами[1] отправился из Капилавасты в Шравасти. На границе между этими странами росло огромное дерево. Высотой оно было в двадцать ли, а крона его простиралась на шестьдесят ли. На дереве висело много фруктов, сладких как мед. Если слепец вкусит такой фрукт, то сможет вновь увидеть мир. Если вкусит неизлечимо больной, то излечится в тот же миг.

Будда попросил монахов съесть по фрукту, а затем сказал сопровождающему его Ананде:

— По моему мнению в мире есть множество вещей, каждая из которых связана с другой и имеет свою судьбу и прошлую жизнь.

— Неразумный ученик не знает, что такое судьба, — ответил Будде Ананда.

— Человек, приносящий счастье, подобен этому дереву, — с улыбкой объяснил Будда. — Когда его только посадили, оно было совсем мало, но со временем становилось все больше и

приносило все больше плодов. Человеку выдающемуся и благородному, даже будь это пожилой король, посвятившему себя делу буддизма и его трем ценностям[2], в будущем воздастся. Человеку очень богатому, имеющему собственности в достатке и подающему милостыню, в будущем воздастся. Человеку, живущему долго, ничем не болеющему, сильному, крепкому и ограничивающему себя, в будущем воздастся. За милостыню воздастся во много раз больше, в жизнь придут мир, счастье и долголетие».

— Это "Будда сказал, что при каждом повороте колеса на пяти путях[3] за мучениями последует благое воздаяние" означает лишь, что за мучениями последует благое воздаяние. Монах, ты же используешь это, чтобы сказать, что Будда просит вознаграждения... — Сяо Сэ покачал головой. — Не знаю, простит ли Будда тебе это.

— Не думал, что господин так хорошо разбирается в учениях Будды. Даже слова твои были точь-в-точь как у старого монаха, — Усинь продолжал улыбаться, даже неуважительно назвав своего наставника старым монахом.

— Я пойду с тобой! — вдруг воскликнул Лэй Уцзэ.

— О? — удивленно обернулся Усинь.

— И почему я не ждал от тебя ничего иного? — беспомощно пожал плечами Сяо Сэ.

— Ты дважды спас наши жизни, так что я помогу тебе разок. Но после того, как ты сделаешь то, что хотел, я все равно верну тебя обратно, — серьезно заключил Лэй Уцзэ.

Усинь на миг ошеломленно застыл, но затем откинул голову назад и расхохотался. Когда же он вновь взглянул на них, в глазах его вспыхнул дьявольский огонь такой силы, что Сяо Сэ и Лэй Уцзэ вздрогнули. Однако тот огонь тотчас погас.

— Прекрасно, - кивнул юный монах. — Когда настанет время, я буду ждать, что ты поймаешь меня... Если у тебя, конечно, это получится.

— Твое обращение к нам изменилось... — вдруг заметил Сяо Сэ.

— М?

— До этого ты называл нас господами, а к себе обращался "этот скромный монах". Но теперь же ты перешел на "ты" и "я"...

— Ты наблюдательный, — похвалил его Усинь. — Но, раз уж вы оба согласились путешествовать со мной, то мы можем считаться компаньонами. И раз уж так, то как можно говорить о милостыне? Исходя из всего этого, я решил, что называть вас обоих по имени будет более подходящее. Однако я не знаю, как вас зовут.

— Меня зовут Лэй Уцзэ, — тотчас откликнулся Лэй Уцзэ.

— Сяо Сэ, — лениво вторил Сяо Сэ.

— У вас хорошие имена, — усмехнулся Усинь.

— Итак, почему тебе так надобно путешествовать именно с нами? — Сяо Сэ все еще недоверчиво покосился на Усиня. — С твоими удивительными способностями, если не говорить о огромных землях Центральной равнины[4], есть ли места в этом небольшом регионе на

западе тридцати двух буддийских стран, куда ты не сможешь попасть?

— Хороший вопрос, — Усинь отряхнул белую рясу и поднял голову.Красивый и чистый голос его зазвенел в воздухе. — На самом деле все из-за того, что у меня нет денег. Ах, выходя наружу, особенно находясь в другой стране, без денег и шагу не ступить!

Усинь стоял на берегу реки и всматривался в даль, отчего на восемь десятых казался небожителем. Тихий смех на девять десятых делал его очаровательней и завораживающей, а проявленные прекрасные способности в десяти из десяти случаях демонстрировали его могущество... Однако его заявление "У меня нет денег" уже тянуло на одиннадцать баллов из десяти, а то спокойствие, с которым была произнесена эта фраза моментально принесла Усиню двенадцать баллов из десяти в категории "нахальство"!

Стоило только Лэй Уцзэ услышать слова Усиня, как он не смог сдержаться и заливисто рассмеялся. Все еще смеясь, он махнул рукой в сторону Сяо Сэ.

— Ха-ха-ха-ха! Ты, монах, нашел нужного человека! В той гостинице из всех людей только у него были деньги!

Лицо Сяо Сэ тотчас приобрело поразительно некрасивый вид, и только он собирался ответить, как вдруг перед ним очутился Усинь.

— Что теперь? Если я не захочу отдавать тебе деньги, то ты ограбишь меня?! — Сяо Сэ гневно сверкнул глазами.

Но Усинь лишь обернулся, и в тот же миг будто из ниоткуда к нему с пронзительным свистом устремилась оперенная стрела. Усинь взмахнул рукой, и стрела застыла прямо в воздухе всего в миллиметре от рукава юного монаха. Однако упала она не сразу и все еще продолжала вращаться вокруг своей оси. Лишь потеряв весь импульс, она рухнула на землю.

Усинь поднял голову и заметил в трехстах шагах стоящего на лошади человека. В руках тот держал перьевой лук. За триста шагов этот мужчина смог запустить стрелу с небывалой силой, и уже это делало его серьезным противником.

— Чангун Чжуйи[5], — вдруг вспомнил имя Усинь.

— Байгуй Есин[6], — нахмурился Сяо Сэ.

— Чангун Чжуйи, Байгуй Есин? Кто это такие? Похоже на имена мастеров, — подал голос ничего не понимающий Лэй Уцзэ. — С детства я слышал много историй о мире от старших, но такие имена мне не знакомы.

— Это вполне логично. Ты слышал рассказы о героях. Чангун Чжуйи и Байгуй Есин же не являются ни героями, ни злодеями... — проговорил Сяо Сэ и перевел взгляд на человека, вновь натягивающего тетиву.

— Кто же они тогда?

— Разбойники, — Сяо Сэ опять огляделся, но черные тени уже начали действовать. — Монах, что же ты за человек? Почему хорошие люди, злодеи, монахи и разбойники проявляют интерес к твоей персоне?

— Но разве разбойники здесь не для того, чтобы ограбить нас? — недоуменно спросил Лэй

Уцзэ.

— Лэй Уцзэ, мой дорогой герой, — Сяо Сэ посмотрел на него, как на идиота. — Эти несколько человек – самые опасные разбойники западной области. Они грабят только самых богатых дельцов, которых защищают сотни личных телохранителей. Нас же здесь лишь трое, и среди нас двое без гроша в кармане. Если им не интересны секретные боевые искусства, которые скрывает монах, то зачем им вообще нас грабить?

— Сотни личных телохранителей? Да нас сложнее ограбить, чем какого-то дельце с сотней личных телохранителей, — воскликнул Лэй Уцзэ и бесстрашно огляделся.

— Ты говорил неверно, — Усинь с улыбкой взглянул на Сяо Сэ. — В этой небольшой области на западе тридцати двух буддийских стран я не смогу просто так пойти туда, куда захочу.

— Раз ты все еще можешь смеяться, значит, эта сотня призраков все еще не повеял тебе, — лениво откликнулся Сяо Сэ.

В этот момент вдалеке мужчина вновь натянул тетиву так, что лук стал похож на полумесяц.

— Вперед! — тихо крикнул он.

Усинь выдохнул, и белые одежды его затрепетали на ветру. Юноша аккуратно коснулся четок, висевших у него на шее.

— Избавиться! — выкрикнул тот человек, и стрела со свистом пронзила воздух. И хоть между ним и монахом было триста шагов, стрела летела с такой силой, будто они стояли всего в трех.

Как только стрела устремилась к своей цели, черные тени во мраке зашевелились. Им не терпелось устроить беспорядки, и вот они вытащили свои ножи из-за поясов!

Примечания:

[1] - □□ - бхикшу; буддийские монахи, принявшие полные монашеские обеты.

[2] - □□ - три сокровища буддизма: Будда, его учение - дарма, монашеская община - сангха.

[3] - □□ - пять путей или же пять миров, в которых может переродиться душа: небо, человек, домашние животные, голодные духи и ад.

[4] - □□ - Центральная равнина. Реально существующее место, входит в состав нижнего и среднего течения реки Хуанхэ.

[5] - □□□□ - Чангун Чжуйи. В названии главы приведен дословный перевод имен обоих разбойников. Однако в тексте упоминается, что Усинь вспоминает их □□, что я могу перевести исключительно как "имя". В конце концов, и Юэ Цзи, и Мин Хоу явно лишь прозвища, и их я тоже привожу в китайском звучании.

[6] - □□□□ - Байгуй Есин. Опять же, я думаю, что это прозвище. Дословно переводится как "Сотня призраков блуждают в ночи".

http://tl.rulate.ru/book/27215/924070